
Дина
ТРУБЕЦКАЯ
РАЗВОД
КОГДА УМИРАЕТ Любовь

Дина Трубецкая

Развод. Когда умирает Любовь

«Автор»
2026

Трубецкая Д.

Развод. Когда умирает Любовь / Д. Трубецкая — «Автор», 2026

— Главное, чтобы эта корова ничего не заподозрила.Одно случайно присланное голосовое — и мой брак умирает в ту же секунду.Двенадцать лет любви, ожиданий и жертв оказываются дешёвой игрой «идеального мужа», от которой его тошнит.Мой борщ — повод для насмешек.Моя жизнь — временная декорация, которую он собирается отобрать через суд.А я — всего лишь «корова», которая должна тихо исчезнуть.

© Трубецкая Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Дина Трубецкая
Развод. Когда умирает Любовь

Глава 1

До катастрофы оставалось всего несколько минут.

И я ещё не знала, что обычный борщ станет последним блюдом моего счастливого брака.

Борщ ещё горячий.

Я только что сняла его с плиты, и по всей кухне плывёт тот самый запах — томлёная свёкла, чеснок, лавровый лист, — запах, ради которого я полтора часа стояла у плиты в июльскую жару, с прилипшей к спине футболкой, утирая лоб тыльной стороной ладони.

Окно открыто настежь, но толку от этого никакого: с улицы тянет раскалённым асфальтом и пылью, во дворе орут дети, где-то надрывается чья-то сигнализация.

Лето в городе — это когда даже воздух кажется уставшим.

Я улыбаюсь сама себе. Глупо, но улыбаюсь. Потому что Глеб сегодня хвалил мой борщ. Сказал «вкусно» — и доел до дна, до последней ложки, я сама видела.

А последнее время он почти ничего не ел дома, всё «перекусил на работе», «не голоден», «потом». И вот сегодня — доел. Мелочь.

А мне приятно.

Двенадцать лет вместе, а я всё ещё радуюсь, когда он хвалит мой борщ, как девчонка на первом свидании.

Телефон вибрирует на столешнице, подпрыгивая на гладкой плитке.

Глеб.

Голосовое.

Я вытираю руки о полотенце — оно тоже мокрое, всё сегодня мокрое — и беру телефон. На экране его имя и время: 14:37. Странно. Он на работе, у него сейчас совещание, он всегда выключает звук на совещаниях, никогда не пишет в это время.

Может, что-то случилось?

Может, отпустили пораньше и он спрашивает, что купить по дороге?

Я нажимаю на воспроизведение, прижимаю телефон к уху и одновременно тянусь за половником, чтобы помешать борщ.

И слышу его смех.

Не тот смех, который он дарит мне. Тот, домашний, я знаю наизусть — он усталый, сдержанный, будто Глеб делает мне одолжение.

А этот — живой, лёгкий, мальчишеский.

Так он смеялся, когда мы только познакомились.

Так он смеялся в те годы, которых я уже почти не помню.

— Малыш, — говорит он, и от этого слова у меня всё внутри обрывается, потому что меня он малышом не называет уже лет восемь, — я сегодня опять играл идеального мужа.

Половник останавливается в воздухе.

— Она приготовила борщ — я сказал «вкусно» и чуть не… блеванул.

Я не дышу.

Воздух застрял где-то в горле, плотный, горячий, как этот июльский день, и не идёт ни внутрь, ни наружу.

Борщ.

Мой борщ.

Тот самый, над которым я простояла полтора часа. Тот самый, который он доел до дна, глядя мне в глаза, и сказал «вкусно».

— Считаю дни, — продолжает голос в трубке, и он такой довольный, такой расслабленный, такой счастливый, что мне хочется выронить телефон и не слышать дальше. Но я не могу пошевелиться. — Через два месяца суд, заберу квартиру, и мы наконец будем вместе.

Квартиру.

Нашу квартиру.

Ту, в которую мы въехали восемь лет назад, где я отдирала старые обои, где мы спорили из-за цвета стен в спальне, где я представляла детскую — детскую, которой так и не случилось, потому что «давай попозже, малыш, давай встанем на ноги, давай когда я сменю работу».

— Главное, — и тут он понижает голос, словно делится секретом, словно это смешно, словно это самая забавная шутка на свете, — главное, чтобы эта корова ничего не заподозрила.

Корова.

Сообщение заканчивается. Короткий гудок. Тишина.

Я стою посреди кухни с половником в руке, и по нему стекает капля красного борща, падает на пол, расплывается маленьким пятном на светлой плитке.

Я смотрю на это пятно. Почему-то именно на него. Не на телефон, не на дымящуюся кастрюлю — на это глупое красное пятно у моих босых ног.

Корова.

Слово застревает в голове и крутится, крутится, как заевшая пластинка.

Эта корова.

Эта…

Будто я вещь. Будто я мебель, которую надо вынести вместе с квартирой. Будто двенадцати лет — двенадцати лет — просто не было.

Половник выскальзывает из пальцев и со звоном падает в кастрюлю. Брызги обжигают руку, но я почти не чувствую.

Я не чувствую вообще ничего, кроме гула в ушах и того, как медленно, тяжело начинает биться сердце — будто кто-то изнутри бьёт кулаком в грудную клетку, требуя выпустить.

Малыш.

Через два месяца суд.

Мы наконец будем вместе.

Глава 2

Я опускаюсь на табурет — ноги просто перестают держать, складываются сами собой. Телефон всё ещё в руке, экран погас, но я знаю: стоит мне снова нажать, и я услышу это опять.

Этот смех.

Этот лёгкий, счастливый, чужой смех.

Он записывал это не мне. Он промахнулся. Хотел отправить ей — этой, своей, «малыш» — а попал мне. Пальцем не туда ткнул. Случайность.

Двенадцать лет, и всё рухнуло из-за одного неверного нажатия большого пальца.

Меня начинает мелко трясти. Не от слёз — слёз почему-то нет, в глазах сухо и горячо, как в этой проклятой кухне.

Меня трясёт от того, что внутри всё рассыпается, и я физически чувствую, как куски того, что было моей жизнью, осыпаются вниз, в какую-то чёрную яму, которой раньше не было.

Я открываю сообщение. Слушаю ещё раз. Зачем — не знаю.

Может, чтобы убедиться, что мне не послышалось.

Может, чтобы добить себя окончательно.

«…чуть не блеванул… эта корова ничего не заподозрила…»

Не послышалось.

Я смотрю на кастрюлю. Над ней всё ещё поднимается пар, тонкими завитками тает в горячем воздухе.

Полтора часа.

Я резала, чистила, пассеровала, пробовала, досаливала.

Я думала о нём всё это время. Думала: придёт уставший, голодный, я его накормлю, ему станет хорошо.

Я думала, как сделать ему хорошо.

А он сидел напротив, ел мой борщ и думал, как его тошнит. Думал, как считает дни до того, чтобы выкинуть меня из моей же жизни.

И сегодня вечером он придёт. Снова сядет за этот стол. Снова будет жевать, может, опять скажет «вкусно», поцелует меня в макушку, уткнётся в телефон — в её сообщения, наверное, в её фотографии, — а я буду стоять рядом и не знать.

Должна была не знать.

Корова.

Что-то горячее поднимается у меня в груди — не слёзы, нет. Что-то другое. Острое и тяжёлое, как лезвие.

Я сжимаю телефон так, что белеют костяшки.

Двенадцать лет.

Я отказалась от двух повышений, потому что «семья важнее, малыш, я хочу, чтобы у нас был дом, а не два карьериста, которые видятся по выходным».

Это были его слова.

Я бросила учёбу на втором высшем, потому что мы решили копить на эту квартиру.

Я не родила ребёнка, которого хотела всем существом, потому что он сказал «попозже».

Я подстраивала свою жизнь под его, складывала, ужимала, отрезала от себя кусок за куском — и складывала к его ногам, как подношение.

А он считает дни.

Я медленно встаю с табурета. Колени всё ещё дрожат, но я стою. Подхожу к кастрюле. Беру её обеими руками — горячую, тяжёлую, полную — и несу к раковине.

Запах ударяет в лицо, тот самый, родной, любимый, а теперь — тошнотворный.

Я выливаю борщ в раковину. Весь. До последней капли.

Красная густая жижа течёт в слив, забивает его, поднимается, и я смотрю, как тонет в этом красном мой полуторачасовой труд, моя любовь, моя дурацкая, слепая, преданная любовь.

Руки трясутся. Пустая кастрюля стукается о бортик мойки.

И вот тогда приходят слёзы. Резко, без предупреждения — горло сводит судорогой, и я зажимаю рот ладонью, чтобы не завыть, потому что соседи, потому что окно открыто, потому что стыдно.

Стыдно реветь над раковиной с борщом, когда тебя предали так буднично, так насмешливо, между совещанием и обедом.

Я плачу, согнувшись над мойкой, и думаю только одно, по кругу, как заклинание: он не знает, что я слышала.

Пока не знает.

Я выпрямляюсь. Открываю кран на полную, смываю красные разводы, смотрю, как уходит вода. Умываю лицо ледяной струёй — глаза горят, щёки горят, всё горит.

Потом беру со стола телефон.

14:37. Сообщение от Глеба.

Я не удаляю его. Наоборот — мои пальцы двигаются сами, будто кто-то другой управляет ими, кто-то холодный и собранный, кто-то, кого я в себе ещё не знаю. Я нажимаю «сохранить». Потом пересылаю на свою почту. На вторую почту. Делаю скриншот экрана с временем и датой.

Руки больше не дрожат.

В коридоре поворачивается ключ в замке.

Я застываю. Бросаю взгляд на часы над плитой — 15:02. Он никогда не приходит так рано. Никогда. Сердце снова заходится в горло, и я едва успеваю сунуть телефон в задний карман шортов, повернуться к раковине спиной и схватить полотенце, как из коридора, на ходу скидывая ботинки, появляется он.

Глеб.

Загорелый, в светлой рубашке с закатанными рукавами, с этой своей улыбкой, от которой я когда-то таяла.

Он бросает ключи в чашу на тумбе — звон, привычный, домашний — и смотрит на меня.

— Привет, малыш, — говорит. — Отпустили пораньше. Чем тут так вкусно пахнет?

Я медленно поворачиваюсь к нему. И улыбаюсь.

— Заходи. Скоро узнаешь. Я тебя так накормлю, что ты этот вкус запомнишь надолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.